

Наталья
Лаврецова

СВИХНУВШИЙСЯ
ВАГОН

Если вы любите путешествовать, ждете чудес и необыкновенных приключений — то это повесть для вас! Загадочная проводница, таинственный маг в клетчатой накидке, два хитроумных разбойника не смогут устоять перед натиском пронцательного семейства, сумевшего распутать ловко завязанный преступный клубок...

Наталья Лаврецова

Свихнувшийся вагон

повесть для детей

Глава первая

В которой происходит знакомство с членами семейства

С шумом ворвавшись в купе, семейство тут же принялось устраиваться.

— Вау! Классный вагончик! Чур, я наверху! — с ходу атаковала верхнюю полку Аришка.

Вскарабкавшись по выдвижной лесенке, она слегка подпружинила на полке, погладила мягкую ворсистость одеяла, и, выглянув в окно, принялась за обозрение нижнего пространства.

— Ну просто клевая обстановочка!

— Что за странная способность выражать свои эмоции с помощью какого-то непонятного сленга? — отреагировала мама, уже выкладывая на стол...

— Меня тоже удивляет способность молодого поколения изъясняться с помощью междометий, — поддакнул и папа, пристраивая сбоку свой «провиант» из книг и журналов. — Ну что,

например, такое есть «вау»? Как это перевести на русский?

... плотно утрамбованные полиэтиленовые пакеты, красочные бумажные упаковочки, соблазнительного вида баночки, что-то в фольговых обертках...

— Ну, «вау»- это... — Аришка задумалась: в какую наиболее доступную для родителей форму облечь объяснение. — Когда сказать хочешь так много, что слов просто не хватает. Вот и приходится говорить «вау»!

Брат Рома не принимал участия в разговоре: процесс распаковывания сумок интересовал его гораздо больше. Взгляд прощупывал, проверяя пакеты на содержимое: колбаса, сырные нарезки, глазированные сырки, маринованные огурчики, сладкие булочки...

Нос следовал за ними сам по себе.

— А ну-ка, Арин, вау с верхней полки! — вдруг сказала мама.

Аришка опешила, не думая, что ее учение подействует так быстро — она только собралась просветить маму в правильности употребления подобных терминов.

— Главное, чтобы ты правильно меня поняла. Больше я не буду тратить время на объяснения, буду просто говорить: «Вау»!

Итак, значит семейка. Лицо номер один — Аришка.

Лицо номер...

Впрочем, пока хватит и лица номер один.

За разговором никто не заметил, как мимо поплыла платформа. Поезд стоял, а платформа двигалась, и с каждой секундой все быстрее. Аришка не успела сообразить, как в ухо ей гаркнуло, вернее грянуло так, что она чуть не скатилась с полки:

«Говорит местный радиоузел, прослушайте, пожалуйста...»

Вот только тут до нее дошло: она же теперь не просто девочка Ариша, проживающая там-то и там-то, не просто учащаяся такой-то школы... Она теперь — пассажирка! И целых двое суток не будет больше никем, а только...

«Пассажирка, пассажирка...» — запело сердце в такт набирающему скорость поезду. Но вдруг слог «жир» оторвался и принялся с обратной стороны догонять «пасса». И Аришка поняла, что изобрела новое слово.

— Эй, ты знаешь кто? Ты — жирпасса! — с гордостью первооткрывателя сообщила она брату, и, скатав трубочкой газету, постучала по голове.

— Кто-кто? — брат оказался не слишком ошастливленным.

— Специально для глухих повторяю по

слогам: жир-пас-са! То же, что и пассажир, только наоборот!

— Какой жир? Какой пасса? Кто глухой? Может, ты и наоборот, а мы нормальные! — укреплял брат запоминательный процесс вырванной из ее же рук газетой.

К счастью, голову дочери спас папа.

— Отдайте, нечитанная еще! — и, положив газету перед собой, принялся бережно ее разглаживать.

Итак, значит, лицо номер два — брат. С ним, кажется, все ясно: достаточно того, что он является братом своей сестры.

Аришкино же воображение продолжало работать: какие возможности открывает перед ней дорога?

Теперь ей не надо ходить в школу, и не надо делать уроки, и не надо... Чего же еще не надо делать? Подметать пол, мыть посуду, делать кучу разных вещей, которые просто необходимо делать, когда находишься... Она чуть было не сказала (подумала): «на суше». Как будто их поезд был корабль, плывущий... Она чуть было не сказала (подумала): «по морю». Впрочем, ведь пейзаж за окном плывет? Плывет. Значит, почти как по морю.

— Послушайте, мы есть-то сегодня будем? — из-под газеты выплыли очки, нос, потом в прямой

последовательности — усы и губы. Губы производили такое движение, будто папа мысленно уже прожевывал бутерброд.

Итак — лицо номер три. Папа. Ну что про него сказать? Папа любит почитать, и еще, как утверждает мама, поест, ну прямо-таки во вселенском масштабе.

Нет, все-таки приятнее думать не о том, чего делать нельзя, а о том, что можно. Можно, например, валяться, сколько вздумается. А что в поезде еще и делать, как не валяться?

— Ариша, хватит валяться! — раздалось почти над самым ее ухом. — Вставай!

«Вот интересно, почему мы до сих пор не проехали Останкинскую телебашню?» — позволила себе Аришка нетактичность проигнорировать мамины слова.

Именно с этого момента для нее всегда начиналась дорога. Ей и сейчас хотелось сказать «прости-прощай», а еще лучше «до свидания» длинноногой дылде, словно на цыпочках привставшей над городом. Башня-дылда и сама напоминала ей длинноногую девчонку в коротких растопыренных юбочках, кружащихся на высоте. Как-то они с мамой даже были у нее в гостях: они поднимались на скоростном лифте, а юбочки кружили перед ними в почти досягаемой близости. Это было что-то!

«Еще не хватало — башню сперли!»

— Ариша, ну, сколько можно валяться? — голос мамы отдавал металлической конструкцией самой башни. — Вставай, тебе говорят!

Только тут до Аришки дошло: они же едут совсем по другой дороге! Совсем в другую сторону! Совсем с другого вокзала! Не с того, с которого уезжали, когда ездили к бабушке на каникулы! Вернее, сейчас они тоже едут к бабушке, только к другой, к папиной. А именно — едут в город Кснибляч, к своим родным, которых Аришка не видела так давно, что даже стала забывать их лица.

Она быстро попыталась себе их представить: лицо старшей двоюродной сестры Динки, младшей Янки, их брата Рината, мамы — музыкантши тети Иры, папы Шамиля, который почему-то все строит гаражи, умной тети Риты — старшей папиной сестры, и, наконец, бабушки Зинаиды Гавриловны.

«Уф, кажется, никого не забыла. Если так долго не видеться, пожалуй, еще наживешь себе ранний склероз».

— Ну, все, Арин... Мое терпенье кончилось. Сейчас я тебе такое «Вау» устрою!

Эх, мама-мама! Ну что про нее сказать? Мама всегда найдет для нее какое-нибудь занятие, даже если это сделать практически невозможно!

— Интересно, как же я пойду их мыть, если туалет закрыт — санитарная зона! — достойно

аргументировала она.

— Тогда иди, занимай очередь! Нечего тут валяться!

Ну, мама, в общем!

Итак, кажется, представлены все:

— Послушайте, мы есть-то сегодня будем?

— Арина, спускайся, хватит валяться!

— Щас я тебе покажу, кто тут жирпасса!

И все же, чтобы картина была более полной, говорящей об отношениях в семье — следует добавить еще хотя бы один эпизод. Когда Арина, наконец, собралась спуститься...

— Дайте мне трап! — крикнула она, имея в виду (дураку понятно), выдвижную лестницу. Но вместо трапа с ней рядом приземлился... Ее собственный тапок, чуть не снес ей ухо!

— Это еще что такое? — законно возмутилась она.

— Ты просила дать, вот я тебе и дал! — ехидно отозвалась нижняя полка голосом брата.

— Я просила трап, а не тапок, — возмущению Аришки не было предела: она уже сидела на верхней полке, свесив ноги вниз. — Вот я тебе сейчас тоже... дам!

— Как же, додавалась! Спустись сначала... — издевалось над ней нижнее пространство. — Запомни: трап нельзя кинуть снизу вверх, это уже

будет не трап, а веревка какая-нибудь. Если уж берешься использовать морскую терминологию — так хотя бы делай это правильно!

Слушать ликбез с болтающимися ногами было занятием не из приятных. Устав елозить, Аришка спрыгнула прямо на то, что под ней и было. Под ней были колени ее брата Ромы.

— Ну вот, падают тут всякие! И грязи натрясла, а я, между прочим, перед дорогой брюки парил, — загундосил он, будто ему на колени упала не родная сестра, а мешок с трухой.

Аришка удрученно вздохнула.

— Ни за что не поверю, что когда я была маленькой, этот человек катал меня в коляске! И пусть не сочиняет!

И перекинув через плечо полотенце, она отправилась топить свое возмущение в умывальной раковине.

Глава вторая

Чудеса порой приходят раньше, чем их ждешь

Смывая с лица накопленные обиды, Аришка и представить не могла, что за это время произошло в купе.

А когда вернулась...

Ей показалось — она ошиблась номером. Хотя, судя по фигурам, купе было их собственное. Но какое же странное положение было у этих фигур!

Здесь происходило... Нечто!

Просто беспорядком это назвать нельзя. Скорее — бардак. Или — хаос?

Все вещи, тщательно упакованные и уложенные, — были снова вытащены. Сумки и дорожный чемодан зияли распахнутыми внутренностями. И над всем этим беспорядком, бардаком, хаосом порхали три пары рук, а три пары глаз пытались в этом что-то разглядеть.

— Говорю же — доставала! — встряхивала головой мама, а папа с Ромой шарили по дну большой сумки, больше мешая, чем помогая друг другу.

— А может, все-таки забыла? — бросал папа взгляд на залитую кипятком вермишель. — Хотела положить, а потом... Как это иногда бывает.

— У кого бывает? — сомнению не подлежало: у мамы такого не бывает и быть не может!

— Говорю: вытащила собственными руками! Вот этими! — вертела она ладонями у папы перед носом. — Вытерла их о салфетки... Вот, салфетки-то — лежат!

— Да что пропало-то? — Аришка решила, наконец, обратить внимание и на себя.

— Да... — отмахнулась было мама, но брат Рома почему-то на этот раз решил удовлетворить детское любопытство сестры.

— Пропали ложки... — с каким-то особым подтекстом произнес он. — Чайные. Причем прямо со стола.

У Аришки в голове пронеслось: «Таинственное исчезновение чайных ложек». Отличное название для детектива!»

— Будто нечистая сила унесла, — развела руками мама, словно пытаясь разогнать в воздухе эту самую нечистую силу.

— Везде смотрели? — что-то продолжало зудеть у Аришки внутри.

Она попросила всех привстать...

Мама с папой нехотя подчинились. Плохоподъемный брат Рома буркнул, словно укусил кислую сливу:

— Тоже, детектив нашелся! Шерлок Холмс в юбке! Ха-ха-ха! — тем не менее поднял свой зад и даже позволил заглянуть под него.

Результат был нулевой — ложек под его задом не оказалось.

Тогда Аришка еще раз осмотрелась. Еще раз подумала. Заставила брата чуть-чуть пододвинуться, вернее даже очень вежливо попросила. И забралась, зафиксировавшись ногами на обеих нижних полках, так, что лицо ее оказалось

на уровне верхней.

— Ты что, под потолком будешь ложки искать? Или ты думаешь, что у меня с головой...

Мама еще не успела сказать, что именно у нее с головой, как...

Глава третья

Повествующая о том, чего быть не может, но иногда, оказывается, все-таки случается

Как Аришка увидела...

Они лежали на верхней полке, зарывшись в мягкую ворсистость одеяла. Эти самые невинные чайные ложечки.

Но удивительное было даже не в том, что они нашлись, и даже не в том, как они туда попали... Удивительное было — как они лежали!

— Смотрите! Их словно кто-то сложил крестиком!

— Скажи еще — ноликом! — брат почему-то не слишком обрадовался сенсационному открытию сестры. Скривив физиономию, он даже полез удостовериться: надо же уличить сестру в ее недалеких детских фантазиях.

Но когда взгляды всех сфокусировались на уровне второй полки — в купе воцарилось тишина.

Все было именно так: предметы утилитарного использования, какие-то там... И не ложки даже — так, ложечки для тортов и десертов, глядели на них с пушистого ворса, преобразовавшись в некие символические величины. Таинственные магические знаки.

— Глупая шутка! — сказала мама. — Интересно, и кто их сюда положил?

— А вермишель, между прочим, остывает! — реплика, понятно, принадлежала папе.

— Что-то ты слишком быстро их нашла! Уж как-то даже слиишком быстро! — брат специально протянул это «и», словно пакостно поковырял пальцем.

Достичь желаемого ему удалось — три пары глаз вопросительно скрестились на Аришке.

— Типичная несправедливость! Да я... — от возмущения теряла Аришка дар речи — Я-я-я...

«Вот и делай после этого людям добрые дела»!

— Да меня, между прочим, и в купе не было! Да я, между прочим... А может, сам и спрятал? А чтобы следы замести — свалил на меня?

— А что мне их замечать? Баба Яга я, что ли?

— А алиби у тебя есть?

Но привлеченные ее словами, родители теперь смотрели на Рому. Не могли же они, в самом деле, предположить, что ложки сами подпрыгнули, да

еще сами уложились на полке крестиком — этикие дрессированные чайные ложечки! Разобраться, несмотря на остывающую вермишель, было необходимо.

— Ага, сначала, значит, сам спрятал, а потом, значит, давай сам и в сумках рыться?

— Очень, между прочим, распространенный метод в преступном мире!

На самом-то деле Аришка, конечно, не думала, что это брат Рома сложил ложки крестиком — больно ленив. Но очень уж хотелось отыграться на нем за все сразу: и за жирпасса, и за тапок, и за все свое поруганное детство.

Но — качала головой мама:

— Нет, на Рому это непохоже. Он любит поесть. Зачем бы он стал сам от себя ложки прятать?

— Я тоже люблю поесть! — на всякий случай предупредил папа, будто об этом еще кто-то не знал.

— Что ж, видимо, придется подозревать саму себя... — и мама тревожно перевела взгляд на зеркало. И что-то такое появилась в ее взгляде...

— Вот спросит меня Господь Бог: «А правильно ли вы воспитываете своих детей? Почему у вас сын такой ленивый, а дочь такая болтливая?» — и она вдруг смотрела на зеркало так, будто и впрямь увидела там самого Господа

Бога.

Аришка совсем не была уверена в справедливости маминых слов, особенно их второй половины, но, тем не менее, представила: сидит на облаке, весь белый, словно обсыпанный мукой, Господь Бог, а перед ним стоит такая понурая маленькая мама. А он пытается ее, задает разные вопросы. И ей вдруг стало так жалко маму, которая столько сил в них вкладывала, а теперь ей еще и перед Богом отдуваться...

— А ты скажи: потому что папа принимал мало участия в воспитании! Пусть тоже отвечает, не все тебе!

Папа от таких слов даже поперхнулся:

— А ну-ка, давайте сюда эти ваши мальтийские кресты, я ими есть буду!

— Вот видишь! — вернулась мама из путешествия по зазеркалью. — У него от твоих слов только аппетит разыгрался!

Она принялась доставать с полки и, протирая по одной, возвращать беглецов обратно.

Взглянув на приоконный столик, на котором лежали в самом своем обычном воплощении самые что ни на есть обычные чайные ложечки, Аришка подумала вдруг:

«Что же обозначали они, эти таинственные знаки?»

Она чуть поскребла пальцем по шероховатой

поверхности вагона...

И... О чудо! Ей показалось — вагон, как-то резко качнувшись, откликнулся ей. Но сказано это было по большому секрету, и лишь тому, кто умеет слышать, а значит, всем остальным знать совсем не обязательно.

Глава четвертая

В которой появляется... Ну очень странная проводница

Итак, семейство приступило к дорожной трапезе. С легким подрагиванием продуктов на столике, отколупыванием скорлупы вареных яиц, которые, наверное, со времени первого пущенного поезда являются главным дорожным блюдом.

Но — не успели Аришка с Ромкой проверить яичную скорлупу на прочность, не успел папа донести до рта бутерброд, как... Двери купе поползли в сторону. И на пороге появилась...

Ну, проводница как проводница, видели они ее уже, когда садились в вагон. Правда, и тогда она уже с каким-то особым пристрастием разглядывала их билеты, впрочем, на это имеет право каждый проводник.

— Это вы хотели выпить чаю? — спросила она их так, будто пить чай в вагоне занятие

противоестественное. Лицо ее при этом даже выражало любезность, вернее, она изо всех сил старалась ее изобразить, но, казалось, любезность к ней просто не шла. Рот ее растягивался в бесконечную жвачку, из него, казалось, просто «выпадали» режущие акульей белизной зубы. И этими своими зубами она резала их, будто все они были один большой именной пирог.

— Значит вы! — прирезала окончательно, давая понять — какой абсурд то, что они хотели сделать.

— А почему, собственно, мы не можем захотеть выпить чаю? — с неожиданной робостью спросила мама.

— Да, почему, собственно? — даже папа удивился своему вдруг дрогнувшему голосу.

Но, словно почувствовав опасность именно с этой, папиной стороны, проводница развернулась, и — пошла на него!

Она «шла» на него, как идет тореадор на быка, всем корпусом, грудью, руками и ногами, вмиг забив папу в угол купе, словно мяч в угол ворот. Забитый в угол папа был нокаутирован, обезврежен и ей не опасен. Приблизив каучуковые губы к самому его лицу, она прошипела ему в самое ухо:

— Потому, уважаемый папа, что... — но вдруг оборвала себя на полуслове. Поддержув темный рукав униформы, бросила взгляд на

маленькие, спрятанные под рукавом часики:

— Потому что сейчас только девятнадцать часов десять минут! — и улыбнулась, довольная, что смогла хоть что-то объяснить этим непонятливым, разновозрастным детям.

Но и после ее аргументированной речи, их лица не прояснили.

— Ну и... что? — позволила себе нетактичность мама. — Почему мы не можем захотеть выпить чаю в девятнадцать часов десять минут?

Та, казалось, хватанула ртом горячего пара.

— Конечно! — выдохнула она. — Конечно, вы можете захотеть выпить чаю когда угодно! Когда вам будет угодно! Но ведь мы еще даже не проехали... Назярь! — и передернула плечами, понять, что уж на этот-то раз сказала больше, гораздо больше, чем ей следовало.

— Ах, Назярь... — мама оглянулась в надежде, что, может, кто-то понял больше ее.

— Да, Назярь мы действительно не проезжали, — кивнул папа.

И дети закивали тоже, обрадованные, что услышали от нее хоть одно знакомое слово:

— Да, верно! Назярь не проезжали! Точно!

— Вот, видите! — акулий рот захлопнулся.

— Что — видим? Что не проезжали Назярь? — пыталась воззвать к здравому рассудку

мама. — А чай причем?

Проводница, принявшая было более осмысленное выражение, покривилась снова: весь труд по объяснению пропал даром.

— Послушайте... — вылезая из угла, попытался реабилитироваться папа: — Что вы нам мозги пудрите? Назярь не Назярь, при чем тут это? Вы что, своих обязанностей не знаете? В них, между прочим, входит обслужить пассажиров, по их желанию подать им чай, кофе...

— Шоколад в постель... — вдруг плотоядно лязгнула зубами проводница.

— Так, кажется, я поняла! — голос мамы прозвенел жизнеутверждающе.

— У вас просто не нагрет бак! — втиснула она свое заключение в простую логическую формулу. — Так бы сразу и сказали, что кипяток, мол, будет после Назяря...

— Бак? При чем тут бак? Какой бак, гражданка?

— Обыкновенный. Для кипятка! — не снижала своего жизнелюбия мама.

Члены семейства тоже обрадовались таким простым и понятным маминым доводам.

— Который у вас стоит при входе!

— Который вы топите углем!

— Из которого вы всем наливаете чай!

Но проводница продолжала сверлить взглядом

маму, словно пытаюсь сделать в ней дырку.

— Бак у меня давно нагрет, гражданка! — и она облила маму... не кружкой, не стаканом, не ушатом — целым баком презрительного яда.

— Что ж, раз вы так хотите — будет вам чай! Только не говорите потом, что я вас не предупреждала!

— О чем? — глянули на нее четыре пары глаз.

— Разумеется, о том, что мы еще не проехали Назярь!

Глава пятая

В которой выясняется, что иметь дело с проводницей не только таинственно, но и опасно, стаканы превращаются в летающих птиц, а у папы неожиданно пропадает аппетит

— Кажется, я сейчас сойду с ума, — едва за проводницей закрылась дверь, мама нащупала под собой полку.

— Ты-то еще, может, только сойдешь, а кто-то... — но прежде чем это произнести, папа предусмотрительно выглянул в коридор.

Ромка же осмелел настолько, что позволил себе даже покрутить у виска пальцем:

— Да, у кого-то явно не все в порядке с

головой!

— А мне кажется, это у меня не все в порядке с головой... — взглянул папа на накрытый стол. — Битый час сижу против этих бутербродов и еще ни одного не съел!

— Съел, — машинально ответила мама.

— Когда это съел?

— Когда проводница говорила про шоколад! — поддержала ее и Аришка.

— Затолкал в рот и не заметил!

— Раз не заметил — значит, не съел! От волнения не считается!

Больше всего ему хотелось, во-первых, поесть, во-вторых, почитать, в-третьих, подремать. Не зря же он набрал с собой эту кучу книг и журналов. Но они ехали уже почти два часа, а он еще не сделал ни первого, ни второго, не говоря уж о третьем и четвертом.

— А вы заметили, какие у нее глаза? — прервала папины страдания Аришка. — Ледяные, как у снежной королевы.

— Бедная маленькая Герда, — брат двумя пальцами прихватил сестру сзади за шею. — Сейчас снежная королева превратит тебя...

— Мама! — на всякий случай крикнула Аришка, не желавшая ни во что превращаться.

— В холодную мраморную...

Но превратиться Аришка не успела: двери

купе снова поползли в сторону. Из-за них, по-змеиному извиваясь выползла...

Но это была всего лишь рука! Рука, в черном форменном рукаве, поддерживала круглый поднос, а на нем стояли: четыре стакана в четырех изящных подстаканниках!

— Вы чем-то недовольны, пассажиры? — за подносом и извивающейся рукой показалась и сама их обладательница.

— Я вас плохо обслуживаю? — застыла она перед ними в картинной позе. При этом пальцы ее продолжали покручивать поднос, и становилось непонятно: как удерживаются на нем четыре стакана в четырех подстаканниках с горячим чаем?

И все же, что бы она сейчас ни делала, а стаканы на ее подносе были настоящими, и настоящим был покачивающийся в них чаек, и плывущий над ними парок тоже был настоящим. Проводница пронесла его по купе и остановила у столика.

Теперь, когда она доставила все это в наилучшем виде, обижаться на нее было просто глупо.

— Чай подан! — еще больше изогнулась она, словно желая продемонстрировать, как она готова угодить пассажирам. Аришка даже испугалась — не свалится ли она тут вместе с подносом, и не придется ли им собирать по частям ее саму и

осколки от стаканов?

— Вы обслуживаете нас замечательно, просто замечательно! — чуть не сделала мама реверанс, достойный самой проводницы. Они обменялись лезвиями улыбок, и показалось: в купе раздался звон двух скрестившихся шпаг.

Но, обрадованный чаем, папа вскричал:

— Чай — это прекрасно! Чай, чаек, чаище!
Когда за окнами снег, непроглядная тьма, согреться чаем — что может быть лучше? — и, разрядив обстановку, первым протянул руку...

Вот тут это и произошло. Совершенно невероятное, совершенно непредсказуемое. То, чего в реальной жизни не бывает и быть не может, но иногда, как оказывается, все-таки случается!

Едва папина рука протянулась к стакану, как тот вдруг сам, словно живой, приподнялся в воздух вместе с подстаканником... Застыл там на секунду...

И, не спеша, двинулся в сторону папы!

Папа ничего не успел сообразить, он даже не успел охнуть, только инстинктивно взмахнул руками. Словно это была муха, и он хотел от нее отмахнуться.

А стакан, добравшись до папиной ладони и словно не ожидая ее здесь застать — споткнулся...
Стакан покосился... Подстаканник накренился...

И — кипяток плеснул папе прямо на брюки!

— Ай! — вскрикнул папа.

Вот тут уж он действительно закричал, пусть больше от неожиданности и изумления, чем от боли. Хотя удовольствие получить ожог через прилипшую к ногам штанину, прямо скажем, не самое приятное.

И пока ошпаренный папа возился со штаниной, он не видел того, что происходило дальше! Как остальные стаканы вслед за первым — тоже взлетали с подноса, плавно переносились по воздуху...

При этом легкий парок тянулся следом, ложечки тихонечко позвякивали «дзинь — дзинь», «дзинь — дзинь», словно, не переставая, помешивали сахар.

О, это надо было видеть! Эту стаю перелетных птиц, вернее — перелетных стаканов!

На самом деле все произошло быстро, очень быстро: поднятые невидимой рукой, стаканы на секунду застывали в воздухе и один за другим приземлялись, вернее, пристаканивались, как на аэродром, на плоскость маленького столика.

Все произошло буквально в несколько секунд, но открывшее рты семейство так и не сумело их закрыть.

— Приятного чаепития! — и не думала скрывать своего торжества проводница. — Надеюсь, чай вам понравится! Оччень

понравится! — и, гыгыкнув как-то по гусиному, вдруг подкинула поднос в воздух. Взмыв к потолку, тот перевернулся в воздухе, блеснув зеркальными гранями, словно тарелка в руках жонглера, и принялся падать в ее подставленную ладонь.

Проводница ловко поймала его и гордо удалилась.

Первой возможностями открытого рта воспользовалась мама.

— Что это было?

Все молчали. Папа до сих пор еще возился со штаниной.

— Кажется, я знаю! — раздался голос. — Вернее, не знаю, как это называется, но думаю... что это было...

Аришка набрала в грудь побольше воздуха:

— Это было... Самое... Обыкновенное...

Чудо!

Но, заметив устремленные на нее взгляды, особенно один, братский, засуетилась:

— Что ли вы никогда чудес не видели? В вашей жизни, что ли, их не было?

Родители переглянулись. При этом папа почему-то посмотрел на маму, мама на Аришку... Аришка же покосилась на брата. Тот вдохновенно уставился в потолок.

— Но ведь это было так замечательно, когда

они плыли, так чудесно...

— Вообще-то и вправду — ничего! — вынужден был признать Ромка, и это тоже было похоже на чудо: брат редко позволял себе соглашаться с сестрой. — А что, лично я не против превратиться в такой стакан. Сидишь так на уроке, надоело — и раз в окно, только ложечкой помахал на прощание.

Аришка заметила: по лицу мамы проползла улыбка. Возможно, она представила Рому, вылетающего, к ужасу учителей, в виде такого стакана, прикрывающегося школьной сумкой. А может — себя? Но тогда стакан превратился бы в ступу, портфель в метлу, а мама... В маму Ягу, что ли? Нет, на маму Ягу она явно не тянула. Вот проводница — эта да! Ее запросто можно представить в какой-нибудь деревянной ступе: метла гремит, ступа стучит, космы развиваются...

— А может, они, эти стаканы, — того? Заколдованные? — прервал Аришкины фантазии брат. — Вдруг улетят?

Но стаканы не улетали. Они стояли прочно, как танки, словно олицетворяя собой известный лозунг «Они не пройдут». И вместе с тем их присутствие было таким соблазнительным, таким натуральным... Они источали парок и аромат хорошей заварки.

— Так что? Чай пить будем?

Первым мамин взгляд остановился на папе:

— Дорогой, ты же так мечтал о чае! Был так счастлив, когда его принесли! Не хочешь ли ты попробовать его первым?

Но папа как-то нерешительно отводил глаза в сторону.

— Что-то у меня пропал аппетит!

— Аппетит? — пожала плечами мама. — Пропасть у тебя может все что угодно, только не аппетит. Тем более — мы говорим о чае...

— Все равно пропал, — упорствовал папа. — Я же не знал, что они будут летать!

— А может, все же они — того? — снова подлил масла в огонь Ромка.

— В каждом мужчине живет охотник. Представь, что это дичь: она тоже летает, — не сдавалась мама, будя в папином сознании мужчину-добытчика. — А ты ее подстрелил! Неужели после этого не будешь ее есть?

— Однажды я пытался убить курицу, — несчастным голосом продолжил папа. — Так я был весь синий, а ей хоть бы что! Так что охотника из меня бы явно не получилось!

— Тогда может из тебя и мужчины не получилось? Так, предмет для одевания... брюк! — и мама огорченно вздохнула. — Что ж, придется самой!

И она уже протянула руку.

— Что? Предмет? — папу подбросило, как на батуте. — Для обувания? То есть, для одевания? Ну, знаете... Это уж слишком! — в папе все же победил глава семейства. — Ну сейчас я вам покажу!

Что именно папа собрался показать — он не сказал, но по всему было видно: покажет!

— Аришик!

Услышав свое имя, Аришка даже вздрогнула.

— Укажи мне на любой стакан! На любой!

— Но почему именно я? Ведь есть же — постарше! — до Аришки вдруг дошло — какая ответственность ложится на ее плечи: может, за всю папину еще непрожитую жизнь!

— Потому... — отводил он глаза в сторону. — Может, это моя последняя просьба. Так пусть моя судьба решится рукой моей дочери, которая, которая...

Аришка еще колебалась и вдруг решительно выхватила из-под подушки книгу: «Папа любит читать, вот на ней и погадаю!»

Она зажала между ладонями издавший виды бестселлер про приключения космического пса — спай-с дога:

«Пусть ответственность ляжет на него, ему что, да и с космоса видней!»

И — резко его открыла:

— Страница двадцать три! — произнесла она

голосом судьи. — Значит, будем считать до двадцати трех!

— Двадцать три — это хорошо, — уговаривал себя папа, пока Аришка водила пальцем по кругу. — Двадцать три — мое любимое число. Двадцать третьего числа я познакомился с твоей мамой, ей тогда было двадцать три года. И она была такая тихая, кроткая, она бы не позволила себе сказать, что я какой-то там предмет...

— Двадцать три! — и Аришка указала на стакан напротив папы.

— Этот? — неприязненно смотрел на него папа. — А ты хорошо посчитала? Ведь у тебя с математикой...

Продолжать он не стал. Бросив последний, может быть, прощальный взгляд на маму, схватил стакан обеими руками, и...

Все, замерев, ждали.

Аришка ждала чего угодно, но уж, конечно, не того, чтобы папа тут начал летать и каркать. И когда увидела, что папа как ни в чем не бывало сидит, а стакан перед ним стоит, при этом совершенно пустой, совершенно выпитый — даже разочаровалась.

А папа, кажется, сам ничего не понял: и стоило из-за этого так волноваться! Стакан перед ним стоял пустой — значит он его все-таки выпил.

— Вот так-то! — сказал он, поглядывая

гордо. — Будете теперь у меня знать!

Что именно они должны знать — он снова не сказал, но уж теперь-то просто обязаны догадаться!

— А выпью-ка я, пожалуй, и еще стаканчик... — и он уже потянул руку...

— Ну, уж нет! — почти вырвала стакан из его рук мама. — Всем надо! Все хотят! А не выпить ли и нам чайку? — обернулась она к детям.

И все тут же снова уселись за стол.

И всем было весело.

Весело было папе, потому что он оказался таким храбрым. Что заслужил себе право — спокойно есть бутерброды, пить чай и быть уверенным, что его не назовут каким-то там «предметом».

Весело было маме... Ну, хотя бы потому, что папа оказался таким храбрым. Приятно осознавать, что ты вышла замуж за мужчину, а не за какое-нибудь там «облако в штанах». Да и вообще хорошо, что все когда-нибудь кончается, особенно плохое и непонятное.

Аришке же было весело...

Ну, хотя бы потому, что ей-то как раз казалось: все только начинается! Ведь они еще даже не проехали Назарь! Не зря же проводница им на что-то намекала.

Нельзя сказать, чтобы очень весело было Ромке. Чего, собственно, веселиться? Что стаканы

не летают? Так он и против летающих ничего не имел. Удовольствие-то какое: сами себе прилетят, сами себе улетят, и мыть не надо. Пусть себе летют.

Так они сидели и пили. Когда кипяток в стаканах кончался — шли к баку и наполняли стаканы снова, на всякий случай поплотней придерживая в руках.

А за окном... Мелькали огни, проносились полустанки, гукали встречные поезда. И может, это и есть одно из лучших занятий в мире: пить чай, сидя в купе летящего поезда, вот так, всем вместе, слушая перебранку колес, перекличку поездов в ночи...

И ехать в какую-нибудь удивительную страну, где тебя ждут.

Глава шестая

В которой Аришка знакомится с привидением, папа начинает читать, а закончит в следующей главе

Но папа зевнул, чуть не заглотив одним зевком все купе.

— А не пора ли нам, дорогие мои...

И это означало: всему семейству пора чистить зубы и ложиться спать.

У Аришки, с первых минут появления в

поезде, жила произнесенная вслух мечта: хоть одну ночь поспать на верхней полке. Те, кому приходится делать это часто, вряд ли ее поймут.

«Почему все могут, а я нет? Несправедливо!»

И она решила эту несправедливость устранить.

— Мам, — постаралась она придать голосу уверенность (ведь говорят «уверенность — половина дела»). — Я наверху?

И, заменив в конце знак вопроса на восклицательный, она уже даже занесла ногу на первую перекладину лестницы.

— Возможно, я и поддержала бы твою идею, но...

«Но мне кажется — тебе еще рановато», — похоже, собиралась сказать мама, но, увидев Аришкины глаза, несколько изменила текст:

— Но у нас же есть два представителя сильного пола. Как, по-твоему, они будут себя чувствовать, если мы начнем карабкаться мимо них вверх-вниз? — и мама даже изобразила рукой траекторию их карабканья.

— А что, лично я чувствовал бы себя прекрасно! — заметил Ромка, но увидев мамин укоризненный взгляд, попытался опротестовать его несправедливость:

— Я же об Арине пекусь! Она хочет, и я уступаю. Благородно. Можно сказать, с риском для

жизни: ведь она же может на меня упасть!

Но качала головой мама, Аришка же продолжала смотреть умоляюще: редкий случай, чтобы «благородство» брата так работало на ее пользу.

— У тебя нет никакого опыта спанья на верхней полке! — не уступала мама.

— Интересно, а как он у меня появится, если вы мне не дадите? Там! Спать!

— Маленькая еще! Вот подрастешь...

— Ясно! — поняла Аришка всю тщетность уговоров. — Как посуду мыть — так я большая, а как на верхней полке спать, так... — продолжать смысла не было. Перебросив через плечо полотенце, она отправилась топить свои страдания в умывальной раковине, сделав ее своим девичьим поверенным.

А когда она вернулась...

Нет, на этот раз все было в порядке: ложки не исчезали, стаканы не летали. Но, для продолжения истории, все же следует привести еще хоть один маленький эпизод, характеризующий отношения в семье, без понимания которых история будет не полной.

Итак, на верхней полке уже возлежал папа, углубившись в свой очередной журнал, мама же заканчивала застилать другую противоположную

верхнюю полку.

— Лети, орел! — благословила она Ромку, и тот, став орлом, тут же взмыл.

— Никакой он не орел, — буркнула от обиды, устраиваясь внизу Аришка. — Куропатка он, самая обыкновенная куропатка.

— Ну... Я те щас покажу куропатку! — и, лениво прихватив подушку, брат уже было прицелился, но...

— Хорош устраивать тут птичьи бои! — заступившись за подушку, успела спасти ее мама. Вместе с головой дочери, понятно.

— Скорее уж — петушиные, — папа, оказывается, читал не так уж и внимательно.

— Тогда уж — цыплячьи. До петухов они еще явно не доросли!

Аришка же, убедившись, что фигура брата надежно скрыта от нее верхней полкой, решила не отказывать себе в дальнейшем удовольствии:

— Цыпленочек, цып-цып-цып! Не упали с верхней полочки! — сладострастно издевалась она.

Брат склонил голову: сестра явно напрашивалась.

«Спуститься, что ли»?

Но, зевнув, передумал.

— Ладно, я завтра с тобой разберусь! Заодно и за куропатку ответишь!

Итак — купе медленно погружалось в сон.

Пережив «чудесатные» события дня, погружалось в сон все семейство.

Погружалась в сон девочка Аришка, которая очень любит чудеса. Погружался в сон папа, который ни в какие чудеса не верит, если, конечно, о них с достаточной долей аргументации не рассказывают книги и газеты.

Погружался в сон и Рома, который, в общем-то, против этих чудес ничего не имел, если бы от них была хоть какая-нибудь реальная польза.

Погружалась в сон и мама, которая... Но — тсс... Которая, может, в чудеса и верит, но по каким-то своим соображениям предпочитает пока не говорить.

Аришка не поняла даже: спит она или нет, и откуда вдруг взялся поднос, такой круглый, блестящий и такой красивый? На подносе, словно приклеенные, стояли в изящных подстаканниках стаканы с не менее изящными ложечками, вставленными в каждый.

«Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь» — позвякивали ложечки в стаканах на серебряном подносе, который совершал в воздухе немислимые пируэты.

«Где же я слышала подобные звуки?»

Поднос перемещался в воздухе, как летающая тарелка, но стаканы не расплескивали ни капли

налитого в них чая.

Сначала Аришке показалось, что поднос летает сам по себе. И только потом она поняла: его поддерживает, виртуозно изгибаясь, рука в струящемся по-змеиному черном рукаве.

Вдруг поднос с рукой приблизился, и голос, странно знакомый, произнес:

— Возьми, деточка, ложечку! Возьми, не стесняйся!

Глаза рядом впивались в нее, а щелкающий, как дверцы капкана, рот, готов был просто залязгнуть.

— Ну же, деточка, ну же, смелей...

Аришка уворачивалась, но делать это становилось все сложнее. И в последний момент, когда капкан раскрылся прямо перед ней, вдруг поняла:

«Да это же... Это же — она! Проводница! Ее лязгающий рот!»

— Ариша, Ариша...

«Но откуда она знает мое имя? Кажется, при ней никто ее по имени не называл...»

— Да что с тобой? Ты вся извертелась!

«Но почему у проводницы такой знакомый голос?»

— Да проснись же ты! Что тебе снится?

Аришка, так ничего и не поняв, отметила только, что проводница почему-то разговаривает с

ней... Маминым голосом!

— Перевернись на другой бок! — сказал ей этот голос.

Наконец, заставив себя проснуться, Аришка поняла: голос не украденный! Он действительно принадлежит ее собственной родной маме!

Облегченно вздохнув, она зевнула, и, вняв совету, перевернулась на другой бок, натянув на себя одеяло.

Вот уж теперь-то можно было заснуть как следует, по настоящему, без всяких там зубастых проводниц. Но этого-то она как раз сделать почему-то не могла. Ей казалось, в купе что-то происходит...

Чтобы убедиться, что все нормально и страхи ее напрасные, Аришка даже высунула голову из-под одеяла.

И — она увидела: длинное, белое, вытянутое по вертикали пятно, качаясь, плавало по купе. В одну — в другую сторону, то удаляясь от нее, то приближаясь.

«Ой, что это? Кто?»

Странное видение, непонятно, имеющее ли вообще плоть — напоминало...

Привидение! Да, самое обыкновенное, настоящее, если только они и в самом деле бывают — настоящие! Плавая в сумерках купе, склоняясь то в одну, то в другую сторону...

Аришка ущипнула себя: «Может, сплю»?

Щипок оказался чувствительным.

И вдруг — привиденье приблизилось... У него выросли руки. И они, эти руки — длинные, белые, потянулись... Прямо к ее горлу!

— Мама! — не выдержала Аришка, резко откатываясь к стенке.

— Да мама я, мама! — вдруг отозвалось привидение. — Я уже двенадцать с лишним лет как мама! — и этими своими длинными белыми принялось подтыкать под ней одеяло.

В это время мелькнувший за окном фонарь осветил купе, и Аришка увидела на привидении мамину ночную рубашку.

— Уф-ф... Мам, значит это и вправду ты?

— Ну а кто же еще? Не привидение же! Спи давай!

И Аришка, чтобы не сердить маму-привидение, честно закрыла глаза. Привидение в такой знакомой маминой светлой рубашке уже не было страшным. Она честно закрыла глаза, но заснуть почему-то все равно было невозможно. Почему?

Мама рядом производила какие-то действия. Вот она подняла одеяло и положила его на Аришку. За ним последовала подушка. Потом — Аришка чуть не задохнулась — ее придавило валиком скрученного матраса.

Аришка уже давно раскрыла глаза и все с большим недоумением наблюдала. В конце-концов, рискуя вызвать гнев мамы-привидения, спросила:

— Мама, что ты делаешь?

Она постаралась спросить как можно тише: вдруг мама стала лунатиком? А с лунатиками, говорят, надо обращаться осторожно, ведь их нечаянно можно испугать.

— Что ты делаешь, мама?

Мама же, словно не слыша, продолжала свои действия. Полностью убрав с полки постель, зачем-то подняла вверх и саму полку.

«Может, ей просто что-то нужно вытащить из сумки?»

Но дальше началось что-то совсем непонятное. Вдруг она забралась внутрь полки сама, кое-как встроившись между вещами. И так, склонив голову, словно цапля, ловящая рыбу, застыла.

Аришке хотелось ее окликнуть, но она не решалась.

Шло время...

Время шло, а Аришка молчала, мама же стояла в той же неловкой позе.

Наконец, Аришка не выдержала:

— Ма-а-а...

— Тсс! — донеслось из темноты.

Прошло еще несколько минут, показавшиеся

Аришке вечностью. И когда она потеряла уже всякую надежду, мама вдруг сама подала голос.

— Ты ничего не слышишь? — спросила она.

— Нет... А что?

Но мама, не отвечая, молча присела на краешек Аришкиной постели.

— Наверное, у меня с головой... Или с нервами. Слышу то, чего нет. Может, слуховые галлюцинации?

— Да что слышать-то надо?

Хоть вставать и было лень, но... Не допускать же, в самом деле, маму до «галлюцинаций».

Поднявшись с полки, Аришка перешагнула узенькое пространство и тоже забралась в вещевой отсек, где только что стояла мама. Приняв ту же смешную позу цапли, ловящей рыбу.

Она вслушивалась, вслушивалась старательно, но слышала только обычную перебранку колес. И уже собралась было выпрямиться, как...

До слуха донеслось какое-то странное бормотание, перемешанное с другими звуками. Казалось, кто-то, то ли плакал, то ли смеялся, то ли делал и то и другое одновременно. Потом все стихало, и через минуту начиналось снова...

— Слышу! Я слышу!

То, что она услышала, — совсем не могло вызвать радостные эмоции. Но сейчас ей было важно другое: что с маминой головой все в порядке,

с нервами тоже, и к лунатикам она отношения не имеет.

— Что слышишь? — оживилась мама.

— Да голоса какие-то непонятные!

— Слышишь, значит... — мама почему-то тоже обрадовалась. — И что же нам теперь со всем этим делать?

— Кажется, я знаю... — значительно произнесла Аришка.

Так исполнилась ее мечта — Аришка оказалась на верхней полке. Да еще поменялась с мамой крест накрест местами, чтобы уж никакие «голоса» ей больше не пригрезились.

Аришке удалось убедить маму, что «это лучшее, что они могут сейчас сделать». Не идти же ночью с выяснениями к этой зубастихе. Для папы же с Ромой была выдвинута версия сквозняка.

Такое объяснение папу вполне устраивало. Ему ли обращать внимание на какие-то сквозняки, если он и двадцатиградусный мороз может не заметить. И поспать на морозе может, и ничего!

— Конечно, мы не имеем права жертвовать вашим драгоценным здоровьем! — с готовностью согласился он. — И чтобы доказать, что оно нам дороже всего, готовы спать хоть на полу! Правда, Роман? Вставай-просыпайся, наступил час мужского подвига!

— Поспишь тут с вами! — проскрипела вторая верхняя полка. — Я ведь сразу сказал: давайте внизу лягу, а вы: «орел, орел!»!

Представитель этой верхней полки спустился молча, вероятно, решив, что действие — лучшее доказательство мужского поступка. Но когда нечаянно столкнулся с обладательницей нижней полки, торопящейся взмыться вверх, не удержался:

— Все попомню! И за цыпленка ответишь! — и, добравшись до нижнего этажа, тут же рухнул.

Аришка же, оказавшись на верхней полке, испытывала такое невыразимое блаженства, что теперь уже оно не давало ей уснуть. Но когда, под мерное постукивание колес, сон все-таки пришел, ее сознание снова оказалось подвержено нападению:

— Понял! Я все понял! Как же это я раньше-то не сообразил! — казалось, голосом папы в купе взрываются мелкие лопающие шарики.

— Да, странно, при твоём уме... — сонно отозвался голос мамы.

— А ты откуда знаешь, что я сообразил?

— Ну конечно — разбудить нас!

— Я не об этом! Я вот о чем...

Аришка натянула одеяло на голову. Не помогло. Сунула голову под подушку...

— Сегодня — тринадцатое число. Мы едем в

тринадцатом вагоне! А вдобавок — я еще вынужден спать на этом тринадцатом месте, будь оно неладно! Вот где собака зарыта! — папа даже постучал по табличке с числом «13», словно пытаясь достучаться до этой самой собаки.

— Ну и что? — сонно отозвался голос мамы. — Каждый человек, хоть раз в жизни, оказывается на тринадцатом месте, едет в тринадцатом вагоне, покупает билет на тринадцатое число...

— Ну как же ты не понимаешь? Как же вы не понимаете! — путался папа в числительных и падежах. — А еще женщина с высшим образованием! А из этого следует, что...

Аришка, смирившись, уже приготовилась выслушать папины ценные замечания... как на него вдруг неожиданно напал — смех!словно кто-то принялся его безостановочно щекотать!

— Ой, ха- ха, не могу, ой, хо- хо...

— Дорогой, ты в порядке? — забеспокоилась мама.

— В по- о- о- лном! — по лицу папы от смеха уже текли слезы. — В полнейшем! Ха- ха- ха — тринадцать! Ой- хо- хо, сейчас умру — ха- ха- ха!

Так вот, — сделал он над собой усилие. — Все дело в том, дорогие мои...

Но и на этот раз «дорогим» не дано было услышать ценной папиной аргументированной

речи, хоть Аришка даже убрала с головы подушку.

— Дело в том, что сочетание нескольких чертовых дюжин дает, дает... — почти добрался он до конца фразы...

На этот раз на него напал — чих! Папа сегодня был просто подвержен нападению.

— А- а- апч — хи! — сказал он, почти не удивившись. — Простая логика подсказывает, что сочетание нескольких чертовых дюжин... — голос его снова мучительно напрягся. — А-а... — пчхи...

— Послушай, дорогой, ты либо чихай, либо говори! — не выдержала мама.

— Не могу, апчхи, это сильнее меня, апчхи, теперь минимум шестьдесят пять раз, апчхи!

— Почему это именно шестьдесят пять?

— Потому, апчхи, что делится на тринадцать! Так вот, сочетание нескольких чертовых дюжин не может пройти, апчхи, бесследно! Энергия этих чисел имеет определенную, апчхи, силу, и когда эти силы соединяются, апчхи...

— Но ты же, кажется, не веришь ни в какую чертовщину?

— Не верю, апчхи! — убедительно чихнул папа. — Верю только в силу, апчхи, логического разума, апчхи!

— Как же тогда с точки зрения логического разума ты объясняешь свое чиханье?

— Очень просто, апчхи, дорогая! Сами же

сказали, что здесь сквозняки! Вот тебе и... апчхи!

— И тебе апчхи! Вот только интересно: обязательно надо чихать шестьдесят пять раз? Может, хватит и двадцати шести? Тоже делится на тринадцать!

— Не могу, апчхи! Это у меня с детства, апчхи, дорогая! Как начну, апчхи, — так минимум шестьдесят пять раз, апчхи!

— Ну и чихай тогда себе в одиночку! — и мама сердито отвернулась к стенке.

— В одиночку, апчхи, неинтересно! Я люблю, апчхи, чихать в коллективе, апчхи!

Но, увы, папины чихи остались без внимания.

Глава седьмая

В которой появляются двое таинственных незнакомцев

Наверное, расположение звезд над Аришкиной головой было таково, что сон в эту ночь ей оказался абсолютно противопоказан. Она не понимала и сама: спит или нет, измяв подушку, не умея окончательно проснуться, но так и не сумев как следует заснуть.

Устав сопротивляться — открыла глаза. Что-то снова было не так. Она прислушалась: откуда-то доносились звуки. Нет, на чихи они уже

явно не походили, скорее — на храп.

Значит, папа уже перестал чихать, и это значит — он спит, и это значит...

«Чтобы меня можно было разбудить каким-то храпом?»

Перевернувшись на другой бок, она снова попыталась закрыть глаза.

Но эти звуки... Они раздавались где-то совсем рядом, кажется — прямо из-за стенки. «Нет, это не храп...»

Аришка придвинулась, почти вдавившись в стенку ухом...

Точно! Оттуда! Звуки поражали своей неразберихой. Словно кого-то пытаются, мучают, и этот невидимый «кто-то» кричит, умоляя о пощаде:

— Ой, не надо, не могу больше... Ай-я-яй!

Голос был высокой тональности, непонятно кому принадлежащий: мужчине или женщине, так кричать могли оба.

Звуки напоминали те, что они уже слышали с мамой, только громче, ясней, отчетливей...

«Не может быть! Такое — в поезде? В купейном вагоне?»

Мурашки невольно поползли по спине.

«Но что делать? Разбудить родителей? Брата? Или спуститься вызвать проводника?»

При слове «проводник» — перед Аришкой выплыло лицо зубастихи.

«Нет, лучше не надо».

И все же она решила действовать и уже собралась даже спрыгнуть со своей верхней полки, как в этот момент... Она даже не успела удивиться: двери купе поползли в сторону и пять черных жирных выползков обхватили дверной косяк.

«Что это?»

Немного поплясав, выползки двинулись дальше, и вдруг соединились в одного: толстого, жирного, уже скорее напоминающего целого удава.

«Да это же... Рука! Ну да, обыкновенная человеческая рука в пять пальцев, только в черной перчатке!»- как будто наличие чужой руки в купе могло успокоить.

А таинственная рука и не думала убираться, наоборот — все больше подтягивала дверь на себя, уже почти полностью овладев ею.

И вдруг — над черной рукой появилась... Шишка!

Шишка в отличии от руки — имела более светлый оттенок. Почти без промедления ей даже удалось понять:

«Да это же — нос! Обыкновенный человеческий нос»!

Нос, действительно, был бы обыкновенным, если бы не был таким любопытным. Он принялся вращаться в разные стороны, словно что-то здесь вынюхивая. Вот проявились и другие части лица:

нависающие брови, маленькие, довольно шустрые глазки, шапка темных волос.

Поезд как раз проезжал мимо какой-то станции — ей удалось кое что разглядеть. Хоть одеяло она и успела натянуть на голову, но оставалась маленькая щель, через которую наблюдала за происходящим.

«Кто это? На пассажира, перепутавшего купе, непохож... Тот не стал бы одевать черных перчаток и открыл бы дверь сразу.»

Но и это было еще не все: вслед за первой головой появилась вторая. Вторая голова!

Нависнув над первой, она с интересом принялась покручивать зрачками.

Вот здесь-то уж можно было испугаться не на шутку: неизвестных в купе оказывалось двое!

Да, Аришка и испугалась и, наверное, испугалась бы еще больше, но тут как раз что-то насмешило ее. На минуту показалось: она в кукольном театре, а головы, выглядывающие из-за дверей, — головы актеров, выглядывающих из-за ширмы.

Мысленно она окрестила первого: «брюнет-коротышка». По сравнению со вторым, которого она назвала «блондин», этот был ниже ростом. Еще она успела заметить: у блондина на шее вместо обычного галстука — пропеллером торчал бант.

«Галстук-бабочка!» — догадалась она.

Вот уж бантик-то этот никак не вязался с ситуацией возникшей опасности.

— Ну, что? — шепотом спросила вторая голова первую.

— Не пойму, — ответила первая. — Темно как в преисподней.

— В преисподней могут водиться черти.

Аришка понимала: она должна что-то сделать, иначе эти двое всех здесь просто перебудят!

Но — что сделать? На самом деле она была не такая уж храбрая девочка, и если бы не это сравнение с театром кукол...

— Эй! Что вы тут делаете? — вдруг крикнула она неожиданно даже для самой себя. Показалось — крикнула громко, хотя голос почти сорвался на писк.

Но — двое! Только что говорившие про чертей и преисподнюю! Что сделалось с ними!

Головы вдруг завращались, задергались, не понимая — откуда доносится голос.

— Я вас спрашиваю: что вы тут делаете, а? — и Аришка высунула голову из-под одеяла!

Тут они и увидели ее.

— Миль пардон мадам, то есть миль пардон мадемуазель... — залепетали, перебивая друг друга, голоса. — Мы извиняемся. Просто обшиблись номером, просим прощения! — в голосах вдруг даже появился неожиданный

иностранный акцент.

Продолжая расшаркиваться, они принялись исчезать. Сначала — светлая голова с длинными волосами, потом темная с короткими.

Дольше всех исчезал шишкообразный нос, последней — черная рука, уводящая своих выползков.

А рядом с Аришкой, ничего не подозревающая, продолжала мирно посапывать семья: жизнеутверждающе похрапывал папа, просматривал счастливые сериалы Рома, и даже мама, с ее тонкой психикой, на этот раз — ну ничегошеньки-то не услышала!

«Прямо приходи и бери всех голыми руками!»

Но зачем приходили эти двое? И какие странные были у них лица, и какие странные голоса...

«Голоса? Как же я могла забыть о них!»

Она припала ухом к стенке...

Там было тихо.

Не просто тихо — оглушающее тихо.

Глава восьмая, короткая Спай-с-дог или «легкомыслие по-космически»

Аришка решила не спать: в купе запросто могла вернуться покинувшая его парочка. «Зачем они приходили? Что им здесь было нужно? Перепутали купе или...»

Но в любом случае надо сохранять бдительность.

Не спать! Не спать — не спать!

Но попробуй «не спать», когда спать так хочется! И все равно — она будет не спать, даже если спать будут все вокруг (а все только это и делали), даже если спать будет хотеться очень, даже если она вообще уснет...

Стоп! Вот этого-то как раз и нельзя!

И, поудобней устроившись, она принялась во всю «не спать».

Она будет не спать, даже если глаза слипнутся, даже если ей начнут на яву грезиться сны, даже если... Завтра она, конечно, никому ничего не скажет. Зачем? А сегодня, ценой собственной бессонницы, будет охранять сон: мамы, папы и даже вредного брата Ромы, пусть, даже его! Главное — не спать, не спать, не спать...

В какой-то момент «не спать»- она сказала себе уже с закрытыми глазами. А когда их раскрыла — ужаснулась:

«Что же я делаю!»

Но как же бороться со сном? Мама, когда не может уснуть, пьет лекарство от бессонницы. Но

что же делать ей? Искать лекарство от «сонницы»?

И вдруг Аришка вспомнила: у нее же есть такое лекарство!

Рука потянулась к приоконному столику...

Приключения спай-с дога открылись сразу же и на нужной странице.

«Уж он-то точно не даст ей уснуть! С ним, даже если и захочешь, — не уснешь!»

Спай-с дог занимался своим обычным делом: подкреплялся алюминиевыми котлетами. Потом запил их вместо чая — керосином, и, подзаправившись, — отправился в свое очередное космическое приключение. Он скатывался с межпланетных горок, хулиганил, зацепившись за хвост улетающей кометы, и занимался прочей фантастической ерундистикой.

Аришка даже подумала с тайной завистью: «Вот если бы у меня был такой пес! Ухватился за его хвост и — вперед! Покорять космическое пространство! Кстати, он подошел бы и при ловле преступников. Те двое от него бы точно не отделались!»

Но тут перед ее глазами выплыла вполне реальная собачья физиономия, или, как сказал один ценитель собачьих индивидуальностей, — «интеллектуальное лицо». Лицо принадлежало ее родному псу Тимофею, проживающему без всякой прописки на территории их дома. Тимка взглянул

на нее с таким укоряющим выражением, свесив длинные, как у настоящей гончей, уши, словно говоря:

— И ты хочешь променять меня, живого, родного, на какого-то придуманного космического?»

...Странно, но этот книжный спай-с дог почему-то все больше приобретал черты реального Тимки, с глазами цвета спелой вишни, самого преданного друга на свете. Этот спай-с дог предложил ей позавтракать. Аришка никогда не принимала участие в собачьем, тем более космическом, завтраке, и идея показалась ей интересной.

После алюминиевых котлет, которые, как ни странно, оказались вполне съедобными, они немного покружили в пределах ближней галактики, а салат из пластиковых капсуль вознес их просто на головокружительную высоту! Слегка пошарив в пределах солнечной системы, они заглянули и в парочку соседних. Потом, пристроившись в уголке вселенной, полистали любимую спай-с догом книгу: «Кодекс — справочник, путеводитель по космосу». И, следуя инструкциям «Кодекса», уже собрались как следует протряхнуть вселенную, как...

Как этот противный спай-с дог, в образе Тимки, увидел выползающий из соседней галактики

ободренный хвост космической кошки...

И — помчался следом! Да так, что замелькали только подтверждающие наличие в его крови гена гончей длинные висячие уши.

А брошенная на произвол Аришка стала падать. Она падала, падала и падала, пока...

Глава девятая

**Рассказывающая о том, что
приобретать смежные профессии
полезно, и в которой папа поражает
всех знаниями, а мама с Аришей не
желают знать, что такое явление
«декомпрессии»**

**Или — с Новым вас годом, дорогие
друзья!**

...Пока не ударилась обо что-то головой.

От этого удара она и проснулась. Но, даже и проснувшись, не поняла: куда смылся этот противный спай-с дог и зачем он придавил ее своим тяжелым «Справочником-кодексом»?

Аришка протянула руку, чтобы его убрать и услышала:

— Боже мой! Что это? — голос явно принадлежал не спай-с догу.

«Может, это кричат космические жители, испуганные появлением наглого земного пса?»

Аришке все же удалось сдвинуть с лица бесценную реликвию. Приблизив «Кодекс-справочник» к глазам — она увидела, что на ней лежит ее собственная книга, никакого спай-с дога нет в помине, а звучащий голос не чей иной, как голос ее родной мамы.

Первая мысль была: она проснулась! А раз проснулась, значит — она спала! А раз спала...

Подскочив и еще раз ударившись о потолок, Аришка в один момент вспомнила: ночь, купе, двое неизвестных...

Но как же она могла забыть!

«Как я могла заснуть? И почему у мамы такой тревожный голос? А что, если...»

На сердце похолодело. Она скосила глаза вниз...

И — облегченно вздохнула. Все члены семейства находились на своих местах. Папа с Ромой мирно почивали на своих нижних полках, мама же сидела на Ромкиной полке в самом ее углу. Поза ее, правда, показалась Аришке несколько необычной, но пока не до того.

«Слава Богу, все на месте!»

— Ничего не понимаю! — продолжал раздаваться голос. — Что это? Как это может быть?

Постепенно Аришка постигла причину

маминого удивления.

Папа с Ромой действительно спали на своих полках, и ничего особенного не было ни в их позах, ни в выражениях их лиц. Но сверху, поверх одеял, они были присыпаны, как горбушка хлеба солью, легкой пылью снежинок. Как крохотные паучки, они кружились в воздухе, постепенно опускаясь вниз и укрывая их собой.

— У нас, что, в купе — снег?

Теперь Аришка разглядела: мама сидела в углу Роминой полки, поджав под себя ноги, как маленькая девочка. А внизу под ней, на ковровой дорожке, расползалась жижа полурастаявшего снега, сказать проще — слякоти.

— Не пойму — откуда он берется? — вместо ответа продолжала мама беспомощно озираться.

Аришка, так и не постигнув сути происходящего, с удивлением смотрела на две припорошенные снежной пылью фигуры. Факт спанья в условиях снегопада поразил ее, кажется, больше наличия в купе снега.

— Рота, подъем! — крикнула, не удержавшись (так порой будил их по утрам папа). — С Новым вас годом!

— Какой еще новый год? — забормотала снежная гора по имени папа — он словно испугался необходимости делать новогодние подарки.

— Вы хотя бы живы? — пробивался к их

сознанию голос мамы.

— А почему, собственно, мы не должны быть живы? Уж не хочешь ли ты сказать, что должны умереть от голода, потому что вчера плохо поужинали? И не хочешь ли ты реабилитироваться, покормив нас плотным завтраком?

При слове «завтрак» оба сугроба зашевелились, наружу выползли две вполне здоровые физиономии.

Папа и Рома сели на полках и, не торопясь (а куда, собственно, торопиться?), опустили ноги в попытке найти тапочки. И в ту же секунду, вздернув подошвы, уставились друг на друга. Оба они напоминали в этот момент Аришке ее любимого спай-с дога. По ее представлению, у космического пса должны быть именно такие наивно удивленные глаза.

— Что это? Откуда?

— Мы, что, на северном полюсе? — недоуменно качнул ногой папа.

— И даже не на южном, — нервно пожала плечами мама. — В самом обыкновенном вагоне, самого обыкновенного поезда, идущего по маршруту: «Москва — Кснибляеч».

Аришка слушала и думала: «Интересно, что бы они сказали, если бы узнали еще про то, что здесь произошло ночью? Нет, пожалуй, лучше не говорить!»

Она вздохнула: «А как хочется-то!»

Но если не родителям — тогда кому?

Взгляд невольно сполз в сторону брата. Тот уже снова успел затащить ноги на полку и, пока, суть да дело, принялся догонять остатки ускользающего сна.

Ей же самой, по сравнению с явлением ночных выползков, все остальное казалось вообще пустяком. И поэтому она сказала бодро:

— Подумаешь, снег какой-то! Может, просто плохо окно заделано?

— Я смотрела, — печально сообщила мама. — Нормально.

— Тогда может... — снизила она голос, — очередной прикол вагона?

— Еще скажи — чудо! — брат, оказывается, спал не так уж и крепко. — Все бы только в детские сказочки верить! Конечно, не она же под сугробом спала, не на нее же снег падал! Мы тут, можно сказать, чуть не заледенели, как генерал Карбышев...

Аришка снова скосила глаза:

«Нет, доверять нельзя. А как хочется-то!»

Но ее слова возымели действие. Пристыженный дочкой, папа вскочил обеими ногами на две нижние полки и принялся внимательно изучать потолок.

— Да, да, да. Так, так, так... — прощупывал

он его руками.

— Что да- да- да? — не выдержала через пять минут мама.

— Что так- так- так? — вид папы под потолком, заинтриговал и Аришку.

— Понятно, — наконец, отозвался он. — Все просто. Видите: снежинки на потолке?

— Я уже целый час их вижу, — вздохнула мама.

— Обратите внимание: они проявляются как на фотографии. Подобное явление, по-моему, называется в физике «явлением декомпрессии», — в голосе папы звучали горделивые ноты.

— «Де» чего? — не поняла мама.

— Де- ком- прес- сии! Повторяю по слогам! Просто, на мой взгляд, что-то не отрегулировано в работе вентиляционной системы вагона. Появляющаяся на потолке сырость кристаллизуется и превращается в снежинки, которые потом плавно опускаются вниз, — папа даже изобразил рукой плавность опускания снежинок.

— Интересно... — задумчиво протянул Ромка, и папа взглянул с благодарностью: «Хоть кто-то оценил!» — А почему они опускаются именно на наши полки?

— Почему-почему? — раздосадовано буркнул папа — кажется, здесь никто и не собирается им гордиться! — Потому что! Снежинки появляются